

18+

Владимир Тренин

НОЧЬ ОТКРОВЕНИЙ НА СТАНЦИИ ВОЛЧИЙ РУЧЕЙ

Повесть

Владимир Тренин
Ночь откровений на станции
Волчий ручей. Повесть

<https://litres.ru/74111474>

ISBN 9785007045995

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Скорый поезд застревает в зимней тайге из-за аварии на путях. Пятеро незнакомцев в одном купе — бывший военный, скрывающий позор прошлого, швед с русской женой, которая не любит его, инженер в разводе и симпатичная проводница с редким именем — играют в «Ночь откровений», не подозревая, что из леса за ними наблюдают. К утру каждый обнажит душу, но главное откровение окажется за пределами купе.

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ночь откровений на станции Волчий ручей Повесть

Владимир Тренин

*Я заметил, что охотнее всего
русский человек разговаривает
в поездах и трактирах.
Константин Паустовский*

© Владимир Тренин, 2026

ISBN 978-5-0070-4599-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валежин затушил окурок, вышел из тамбура, дёрнул дверь туалета, выругался негромко, вернулся и тихо сказал:

— Они смерти моей хотят.

— Терпи, капитан, санитарная зона, ещё пару минут, — я пытался его успокоить, но понимал, что желанное открытие сортиров произойдёт гораздо позже.

Скорый только что отошёл от железнодорожного узла Сосновая Гора. Поезд медленно двигался, выныривал из лабиринта путей, заставленных цистернами, лесовозными платформами и зелёными хопперами с фосфорными удобрениями. Вагон качнуло на выходных стрелках. Во влажном прозрачном островке, протёртом капитанской ладонью в хрустящем инее, покрывавшем толстым слоем окно, показался лес. С видом заснеженных деревьев мелькнула надежда на скорое открытие сортиров. Мы ждали, смотрели на часы, но твердокаменная хранительница ключа всё никак не шла.

С появлением биотуалетов в пассажирских поездах люди начали забывать, что существовала не так давно «санитарная зона» и возникала эта зона в самый неподходящий момент. Расплата наступала для любителей пенного именно в пределах треклятого участка пути. Туалеты запирались надолго, иногда, казалось, на целую вечность. Человек позна-

вал закон относительности на практике: минутная стрелка замирала, а непреклонная, казалось, недавно такая весёлая и разговорчивая проводница будто не замечала маленькой человеческой трагедии.

Мой сосед страдал, я чувствовал его боль и искренне жалел, пытался отвлечь беседой, рассказывал истории из жизни и работы, но всё было бесполезно. Дыхнув на замороженное стекло, сделал персональную проталину размером с коробок, приник глазом, оценил обстановку: состав двигался очень медленно, только-только мелькнули светофоры. «Рано ещё, не откроют», — думал я, осознавая весь тлен происходящего, можно суетиться, бегать, но правила есть правила.

— Станция должна быть чистой, — зачем-то повторил я вслух аксиому, услышанную от старого путейца, и этой банальностью из четырёх слов выбил последнюю подпорку в выдержке кавторанга.

— Коля, какая на хрен станция!? Тайга кругом! — Арсений Игнатьевич со злостью и отчаянием посмотрел на меня и закрыл глаза.

Почему Валежин так рвался в сортир? Объяснение простое. Ни в коем случае нельзя пожилому человеку с хроническими заболеваниями выделительной системы пить вермут с пивом на тридцатиградусном морозе.

С военным моряком Валежиным, капитаном второго ран-

га в отставке, я познакомился четыре часа назад. Несмотря на значительную разницу в возрасте (мне недавно исполнилось тридцать четыре, он разменял шестьдесят), мы очень быстро нашли общий язык. Катализатором сближения послужила бутылка рябиновой настойки на коньяке, вытащенная мною из рюкзака, как только симпатичная проводница с голубыми насмешливыми глазками, короткой стрижкой и фантастическим именем Лионелла проверила документы и закрыла за собой дверь купе.

Поставив рябиновку на стол, я подмигнул молодой паре напротив:

— Полагаю, нам долго вместе ехать, поэтому давайте знакомиться.

Я не мог знать, что наш поезд не прибудет на конечную станцию в дату и время, указанные в проездном документе, и вояж затянется на гораздо больший срок, хотя смутное тревожное предчувствие охватило меня ещё на платформе. Я связал это беспокойство с внезапностью выезда в командировку и поспешными сборами: так бывает, когда что-то забыл, но пока ещё не выяснил, что именно.

— К югу от мексиканской границы их ждала долгая, очень долгая и опасная дорога... — бормотал я слова из какой-то давно прочитанной книги или старого фильма, убирая свой билет и паспорт в сумку с ноутбуком, кинул её под стол и задумался на несколько секунд: «Деньги, документы, техзадание, ноут, спецуха... Всё, вроде, взял...».

Про дорогу я сболтнул лишнего. Иногда сам себя боюсь, так как обладаю способностью предугадывать будущее, мало того, бывает, случайно брошенное мною слово материализуется и дальнейшие события подчиняются именно этому слову (язык мой — враг мой), но не будем забегать вперёд.

В общем, я выкатил бутылку и представился:

— Меня зовут Николай.

Обычно это располагает людей, но не в этот раз. Девушка испуганно посмотрела на склянку из тёмного стекла и мою небритую физиономию, что-то прошептала сидящему рядом бородатому кудрявому амбалу. Она — тоненькая, с бледной кожей, русым хвостиком, мелкими чертами лица, смотрелась со своим спутником как мышка рядом с огромным рыжим котом. Оголённые мощные предплечья мужчины были забиты скандинавскими рунами. Похожий на викинга сосед, казалось тоже, немного нервничал. «Неужели я испугал попутчиков своим напором?» Их боязнь казалась нелепой, учитывая его габариты и маскулинную фактуру. Мне стало неловко, так бывает, когда протягиваешь руку для приветствия человеку в малознакомой компании, а он её не замечает, игнорирует, намеренно или нет, неважно, ты выглядишь дураком, и надо как-то технично, не вызывая усмешек, найти выход из ситуации. Неудобную паузу прервал сосед сверху, за что ему огромное спасибо.

Худой усатый коротко стриженный седеющий брюнет в спортивных штанах и тельняшке ловко соскочил с верхней

полки и пожал мою руку.

— Арсений Игнатьевич, будем знакомы! — представился усач чётко и громко.

Ладонь его была жёсткой и тонкой. От брюнета исходил ядовитый похмельный дух. Имея опыт работы с запойными буровыми мастерами, водителями и рабочими, я определил по плотности перегара, что мужчина находился в начальной стадии процесса выхода из алкомарафона продолжительностью от трёх до пяти суток.

Арсений Игнатьевич ухватил склянку со стола, посмотрел на этикетку и неодобрительно слегка разочарованно хмыкнул:

— Не наш градус.

— Ещё не вечер, — парировал я и вновь обратился к молчаливым, жавшимся друг к другу пассажирам на нижней полке: — Ребята, извините за назойливость, всё-таки как вас зовут?

— Меня Таня, а это Эмиль, — ответила девушка, видимо, поняв, что я не отстану.

— *Nej*, — кивнул бородач.

— Ура, вы понимаете по-русски, — я улыбался очень широко и немного неискренне, пытаясь всем видом показать радость совместного путешествия.

— Я — да, а муж — нет, — ответила мышка серьёзно.

— Швед или норг, — догадался Арсений Игнатьевич, протянул руку викинг и očekанил громко, чтобы иностран-

ному гостю было понятнее: — Капитан второго ранга, военный моряк на пенсии Арсений Игнатьевич Валежин! Добро пожаловать в Россию!

— Вы правы, он из Швеции, — сказала Таня и перевела Эмилю слова Арсения Игнатьевича. Викинг выслушал, почтительно кивнул и накрыл огромной лапой сухую кисть кавторанга.

Наблюдая эту сцену, я подумал, что у скандинавских народов, повязанных с морем жизнью и смертью, в крови уважение к морякам.

— Таня, вы будете вино? Немного за знакомство. Пойду, схожу за стаканами, — спросил я девушку, не теряя надежды растопить лёд недоверия.

— Нет, и Эмиль тоже не пьёт.

— Точно? — я с сомнением посмотрел на широкое красное лицо викинга.

Таня перевела мужу вопрос.

— *Nej, nej!* — отрицательно замотал головой Эмиль.

— *Ней так ней*, — сказал я, выходя из купе.

Постучавшись к проводнице, взял у Лионеллы четыре стакана в тяжёлых подстаканниках, украшенных виноградными лозами.

Вернувшись, залез в рундук под полкой, вытащил из рюкзака полуторалитровую бутылку минеральной воды.

— Если не хотите настойки, вот — *рашен* водка, попробуйте?

Эмиль недоверчиво посмотрел на полторашку и на всякий случай повторил уже знакомое: — *Nej*.

Таня сердито покосилась на меня.

— *Noу водка, итс джок, рашен ватер*, — сказал я, с шипеньем выпустил газ из бутылки и отхлебнул большой глоток. — *Гу-у-уд! Ай лайк ватер!* — идиотом быть несложно, да и спроса меньше.

— Ней, точно Ней! Думал, кого мне Эмиль напоминает, — вдруг хлопнул себя по лбу Валежин. — Маршал был у Наполеона, Мишель Ней, рыжий, кудрявый, «храбрейший из храбрецов», одно лицо с нашим шведом, не ваш родственник?

Таня перевела мужу, он рассмеялся: — *Nej! Vi är fiskare*.

— Маршалов и французов у него в роду не было, предки Эмиля — рыбаки, — улыбнулась она.

— Нет, ну, вылитый Мишель Ней! — довольный, что разрядил обстановку, капитан хлопнул меня по плечу: — Наливай Николай за встречу.

Таню я всё-таки уговорил выпить глоточек настойки, и мы с капитаном сразу перешли с ней на «ты», а «маршал Ней» сопротивлялся, закрывал стакан широкой кистью, поросшей жёстким золотым волосом.

— Скажи, это как чай с забродившим вареньем, градус детский, пусть попробует, а, Татьяна? Вкусно же! Странно, почему не хочет? — удивлялся Валежин. — У нас говорят: «Не пьёшь — значит, стучишь», — вдруг отчеканил капитан

и слегка ударил по столу костлявым кулачком, обтянутым шершавой кожей. — Переведи ему, Тань.

Швед вопросительно посмотрел на супругу.

— Я вам не переводчица, — строго сказала Татьяна.

— Не хочет человек пить, так нам больше достанется. Не будем назойливы, Арсений Игнатьевич, — я потянулся за минералкой. — Лучше я его местной водичкой угощу.

Воду иностранный гость разрешил налить.

— Спросите его, Татьяна, он читал книгу «Эмиль из Лённеберги» Астрид Линдгрэн? — спросил я.

Швед оживился, услышав знакомые названия и имена, залопотал что-то, показывая мне поднятый вверх большой палец.

— Линдгрэн у них национальная героиня, и книгу про Эмиля он читал.

— Очень жаль, что детским писателям не дают нобелевских премий по литературе, она её заслужила, — сказал я.

— *Ja, ja*, — закивал Эмиль, выслушав краткий перевод Татьяны.

Мне показалось, Таня доводила до мужа гораздо меньше фраз из нашего разговора, возможно, викинг уже немного понимал по-русски.

— Эмиль, ты случайно не из Лённеберги?

Викинг разговорился, после того как Таня перевела мой дурацкий вопрос. Оказывается, от местечка, где жил весёлый герой книги Линдгрэн, до города Вестервик, родины на-

шего соседа, всего час езды на автомобиле. Швед кивнул в сторону окна, за которым мелькали заснеженные сосны, и что-то долго с чувством объяснял нам.

— Места вдоль дороги от Вестервика до Лённеберги очень похожи на эти: сосновые леса и камни, прямо вот как сейчас мы проезжаем, — Татьяна резюмировала пространственный монолог мужа.

— Север Смоланда, Западная Фенноскандия, было бы странно, если бы там не было сосен и скал, — заметил я.

— Ещё он сказал, что был в доме Эмиля на хуторе Катхульт. Их возили в школе. Там построен парк развлечений для туристов по мотивам книг Линдгрэн.

— Круто, я бы тоже хотел съездить туда... А «Мио, мой Мио» смотрел фильм? — Извините, Татьяна, что мучаю вас. Когда ещё будет возможность со шведом поговорить.

— Мне не сложно, спрашивайте, — сказала Татьяна, но по её голосу мне показалось, что соседка начинает раздражаться.

Она не успела перевести, но я понял по кивкам викинга, что он видел это кино.

— Эмиль смотрел его, но очень давно.

— Между прочим, снимал наш режиссёр — Грамматиков. Первая роль Кристиана Бейла, будущего Бэтмена.

— Господи, Николай, сколько же лишней информации, зачем тебе это знать? — в разговор встрял Валежин. Он допил стакан рябиновки, щёки его зарумянились, и, кажется,

самочувствие его поправилось, несмотря на небольшой, по его мнению, градус напитка.

— Ну почему сразу «лишней», просто люблю кино, не всё одной работой жить, — возмутился я. — Хороший режиссер может такое сделать со зрителем, ого-го, никакому психотерапевту не снилось... Я не раз переживал катарсис, пересматривая «Ностальгию» или «Зеркало». Не помню, кто сказал, что одно из доказательств существования Бога — это фильмы Тарковского.

— Глубоко, Коля, копаешь.

— Я же инженер-геолог, работа такая — копать... И вообще, кто бы говорил, Арсений Игнатьевич, спросите у ста человек на улице: как выглядел маршал Ней? Зуб даю — ни один не вспомнит. А капитан Валежин почему-то знает.

— Ничего удивительного, «Наполеоновские войны» — тема мой письменной работы для поступления в Академию Генштаба, — объяснил Валежин. — Материала поднял на целую диссертацию, у меня узкая специализация. ... Вот Линдгрэн не читал, в моём детстве другие книги были: Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон. С детьми мультфильм про Карлсона смотрел, забавный. Книга, наверно, тоже смешная?

— На самом деле — нет. Вы знаете, о чём «Малыш и Карлсон»? — вдруг спросила Татьяна.

Мне казалось, соседка равнодушно смотрела в окно, а оказывается, она нас внимательно слушала.

— О том, как мальчик нашёл друга, — ответил я.

— Карлсон — призрак, плод воображения Малыша, эта книга об одиночестве ребёнка, — сказала Татьяна, и я в очередной раз подумал, что нельзя делать поспешных выводов о человеке. Пригляделся к девушке: «Она очень даже ничего, симпатичная, не такая уж и злая».

— Считаю, что Линдгрэн, АББА и ИКЕА — вот за что мир должен сказать «спасибо» Швеции, давай выпьем за это, — я не терял надежду влить в иностранного гостя немного отечественного виноматериала.

— Ещё за Брейвика, — встрял в тост ехидный Валежин.

— Во-первых, капитан, это невежливо, что о нас гость полагает, во-вторых, Брейвик — норвежец.

— Скажи нам, маршал Ней, человек замочил семьдесят человек, а наказание отбывает в трёхкомнатной камере с компьютером, в игры играет, википедию листает, у нас большинство людей хуже живут, чем этот персонаж. Что не так с вашей пенитенциарной системой? — не унимался кавторанг.

— В тюрьмах Швеции и Норвегии следят за здоровьем заключённых и не потому что очень добрые, просто там хорошо считают деньги. Легче предотвратить заболевание, чем потом вкладываться в дорогостоящее лечение, — перевела Татьяна ответ мужа, а Эмиль, слушая супругу, утвердительно кивал.

— Если хорошо относишься к людям, даже если они и преступники, при освобождении будет меньше проблем с его

социализацией, включением в жизнь общества, — добавила Татьяна.

— Какие вы добренькие, аж тошно. Вас съедят. ... Всё-таки, как насчёт Брейвика? Что он сам-то думает? — не унимался Валежин.

Похоже, эта тема искренне интересовала Эмиля. Красные его щёки побагровели. Отвечая, он активно жестикулировал.

— Безусловно Брейвик убийца и прощению ему нет, но вы знаете, в Норвегии и Швеции есть люди, поддержавшие его, причём немало. Многим не нравится, как бесцеремонно ведут себя мигранты, преступность растёт, а власти прячут голову в песок. Правые партии спекулируют на этой теме. Складывается ощущение, что конфликт разжигается намеренно, но с какой целью непонятно, — Татьяна, похоже свыклась со своей миссией и стала переводить вопросы синхронно, не ожидая окончания фразы Эмиля.

— Вот-вот, я и говорю, съедят вас, — сказал кавторанг.

— А нас не съедят? — спросил я.

— Нас — нет, мы сами вымерем, — усмехнулся Валежин.

Допивая рябиновку, я вспомнил и сообщил присутствующим, что Швеция ещё дала человечеству режиссера Бергмана, автомобиль «Вольво» и Альфреда Нобеля — изобретателя динамита.

— Рюрика не забудь... Не так уж и мало для крошечной страны, — великодушно заключил Арсений Игнатьевич, подобревший и размякший от вина. Слова кавторанга прозвуч-

чали снисходительно: так учитель физкультуры хвалит ботана, подтянувшегося два раза при нормативе пятнадцать.

Достав из сумки контейнер, я снял линзы и нацепил очки, краем глаза заметил, что соседи внимательно наблюдали за моими действиями.

— Что, не видели, как человек глаза переодевает? — спросил я.

— Почему же, видели. ... Не ожидали столь разительной перемены имиджа. В очках ты напоминаешь консультанта из отдела офисной техники, — хмыкнул кавторанг.

— А без очков?

— Бандита, правда, Таня, вылитый браток? — обратился Валежин к соседке.

Татьяна не ответила, отвернулась к окну.

За лесом показались гаражи, склады и двухэтажные серые бараки — характерная примета небольших городов и посёлков нашей необъятной Родины. Мы подъезжали к станции Сосновая Гора.

— *Зе стайиен. Вери лонг реэлвэй стан. Мэй би тэйк э вок?* — пробасил я голосом персонажа из русской мафии, какими их любят показывать в американских фильмах. — *Йа ор Ней?*

Татьяна закатила глаза, ей не нравились мои шутки, а Эмиль улыбнулся и ответил: — *Nej.*

— Остановка здесь длинная из-за смены локомотивных бригад, время будет покурить и в магазин сходить. Как на-

счёт прогуляться? — предложил я капитану, и он кивнул в ответ.

Выходя из вагона, справился у Лионеллы о продолжительности стоянки. Я знал ответ, просто мне хотелось поговорить с ней. Застыл на секунду, из головы, как назло, вылетели дежурные комплименты и шутки, улыбнулся, поблагодарил и последовал за нетерпеливым кавторангом.

Белое равнодушно холодное солнце зацепилось за крыши посёлка и выше подняться так и не решилось. Паутина проводов контактной сети подрагивала в студёном опалесцирующем воздухе. Прямо у выхода из вагона скромно сидел лохматый симпатичный пёс. Наверно, он знал о своей неотразимости, с достоинством поглядывал большими добрыми глазами на выходящих покурить пассажиров, и мне показалось, во взгляде его сквозило лёгкое удивление: «Что же вы не видите, какой я обаятельный, несите уже из своих тёплых купе что-нибудь перекусить».

— Холёсий пёс... — я поговорил с барбосом, потрепал его за шею и пообещал ему что-нибудь раздобыть.

На платформе сутились люди в мутной дымке, слегка колыхаемой движением укутанных фигур, гула толпы и оглушительного скрипа снега от сотен ног, который случается только в сильный мороз. Опухшие сизолицые мужчины с ловкостью цирковых жонглёров лавировали между пассажирами, удерживая в равновесии широкие лотки с копчёной рыбой. Бойкие пенсионерки предлагали пирожки, варёный

картофель, солёные грибы, варенье и мороженое. Да-да, мороженое в минус тридцать, водка тоже у них имелась, только по тройной цене и не очень хорошего качества.

Мы с капитаном без слов поняли друг друга, выбрались на оперативный простор и двинулись в сторону ближайшей лавки.

Румяная продавщица опытным взглядом опознала в нас пассажиров и взмахнула пухлой ручкой, как царица Лебедь:

— Граждане пропустите, мужчины с поезда.

Очередь покорно и безмолвно расступилась. Старушки с любопытством рассматривали чужаков.

— Пару пива, бутылку коньяка и триста грамм ветчины, — сказал я, протирая запотевшие очки.

— Колбаса-то зачем? Закуски у меня море.

— Раз беру — значит, надо.

— Может, ещё конины возьмём, дорога длинная? — засомневался кэп.

— Спугнём опять викинга, только отпустило его.

— Да он освоился, всё понял, чай не звери. ... Дайте две бутылки коньяка, пожалуйста, — обратился Валежин к продавщице, не дожидаясь моего согласия.

Я попросил пакет и ещё на всякий случай бутылку вермута. Выйдя из магазина, предложил соседу покурить на свежем воздухе. Мы нашли укромное место за старинной водонапорной башней, откуда можно было видеть наш поезд, открыли пиво.

— И чего Эмиль такой зажатый? Как ты думаешь, капитан?

— Побаивается.

— Кого, меня? — удивился я.

— Не меня же, — усмехнулся Валежин. — Ты себя в зеркало видел? Мордатый, наголо обритый бычара со шрамом на лбу. Слишком широкий, слишком громкий, всё у тебя слишком... Не успел зайти, бутылку выкатил. Бог знает, что там про нас по телевизору рассказывают. Образ врага снова лепят, как в старое время. Швед, наверно, валюту в носок спрятал. Вот если бы ты сразу очкариком показался, совсем другое дело — интеллигент.

Мы пили ледяное пиво, и банка примерзала к губам, на последних глотках горьковатая влага превратилась в ледяную кашу.

— Прошлым летом в этом же магазине в самую жару мне продали тёплую «Балтику», стоявшую в выключенном холодильнике. А сейчас у них всё чин чинном, пиво, как положено, охлаждается, логично же, да? Тогда они мне объяснили, что итак духота, а с работающим холодильником вообще парилка.

Валежин выслушал меня, хмыкнул и достал ещё сигарету. Он много курил. В дневном свете я разглядел сухие руки капитана, жёлтые от табака пальцы. Бросилось в глаза старомодное широкое обручальное кольцо. Такое же было у моей бабушки.

Бледная его кожа шелушилась и была покрыта на щеках склеротической паутиной. Почему-то мне казалось, что моряки со стажем должны быть крепкие, краснолицые и равнодушные к холоду. Худенький дрожащий кавторанг ломал шаблон.

— Между прочим, я в Клуб юных моряков ходил, имею удостоверение матроса первого класса. Знаю флажный семафор, азбуку Морзе, узлы вяжу, с парусом управляюсь, — решил я похвастать знанием морского дела.

Кавторанг поёжился, и показалось, что информацию о КЮМе он пропустил мимо ушей. Понятно, что глупости про юных моряков неинтересны морскому волку, и я решил расспросить его про военные дела:

— Арсений Игнатьевич, расскажи вкратце, где и как служил, если не секрет?

— Длинная история, Коля. ... Если совсем коротко: мы занимались разведкой, числились как научно-исследовательское судно Академии наук. Работали в Тихом океане, проводили гидрофизические исследования, заходили в порты под академической крышей, фиксировали обстановку, а в нейтральных водах вели наблюдение за перемещением подводных лодок противника. Потом перестройка, мир, дружба, все дела, — Валежин вздохнул. — Корабль мой сдали в металлолом за бесценок и в Аланге, на берегу Аравийского моря порезали индусы на мелкие кусочки. ... А ведь я Коля, наверно, один из последних в Союзе получил орден Боевого

Красного Знамени.

— Да ты крут, Арсений Игнатьевич! — я был искренне удивлён и новыми глазами посмотрел на попутчика. Маленький худощавый пожилой мужчина смахивал рукавом каплю с покрасневшего от мороза носа, и не в жизнь не догадаешься, что перед тобой орденосец — человек большого дела. — По такому случаю предлагаю продегустировать «верымихайловны», — я достал вермут из пакета.

Спустя четверть часа, мы подошли к нашему вагону.

Станционный барбос сидел на том же месте. Я развернул ветчину и положил кусок перед ним. Пёс благодарно кивнул, подхватил угощение и удалился, чтобы пообедать в спокойной обстановке.

— Во народ, с жиру бесятся, собак ветчиной кормят, — сердито проворчала проходящая торговка, ставшая случайным свидетелем этой сцены.

— Пассажиры, заходите в вагон, скоро отправляемся, — пританцовывала продрогшая Лионелла.

— Покурить успеем? — спросил Валежин у проводницы.

— Да.

— Лионелла, а как ваше полное имя? — спросил я.

— А зачем вам?

— Вот вы моё имя, отчество и фамилию видели в билете и паспорте, а я ваше нет... Просто интересно.

— Лионелла Асадовна Азимова, — ответила девушка немного смущённо.

— Шикардос, имя, как у героини из фантастической саги!
— воскликнул я с искренним удивлением.

Лионелла засмеялась, и я, вдохновлённый, срочно придумывал контрольный искромётный комплимент, но меня сердито перебил внезапно посуровевший Валежин:

— Можно открыть туалет? — у него почему-то резко испортилось настроение.

— Санитарная зона, — развела руками проводница. — Надо было сходить на вокзале, сейчас уже не успеете. Потерпите, проедем станцию и открою.

Мы поднялись в вагон. Состав тронулся и опять встал. Проводница прошлая мимо, а мы остались в тамбуре. Кавторанг обречённо посмотрел на меня, беззвучно выругался и снова закурил. Через несколько минут, наверное, особенно длинных для Валежина, вагон качнулся и поезд двинулся. Попутчик мой нервно перетаптывался. Я попытался отвлечь его разговором:

— Работал я в своё время изыскателем на железной дороге, мы делали инженерно-геологическое обследование, геодезическую съёмку земляного полотна и полосы отвода. Это был путь, залитый дерьмом, самая длинная в мире уборная от полярных морей до кубанских степей и от Восточной Пруссии до самого Сихотэ-Алиня, — я попытался отвлечь капитана от низких позывов, вспомнил, как сигналисту прилетела в лицо коричневая жирная фекальная клякса из пролетающего скорого «Москва — Воркута». — Дело было зи-

мой. Путеец прыгнул под насыпь и рухнул лицом в сугроб. Долго оттирал снегом глаза и щеки, проклиная столичное недержание. ... Ничего, прогресс не стоит на месте, скоро все поезда оборудуют биотуалетами. На линии будет красота, чистота, ни тебе прокладок, ни прочего интимного мусора и никаких санитарных зон...

— Слушай, ссать хочу, не могу, — капитан слушал меня невнимательно. — Сил моих нет больше!

Он выскочил из тамбура, дёрнул за ручку сортира, матюгнулся. Постучался в купе проводников, но Лионелла была непреклонна.

— Пять минут, — сказала она.

Кавторанг вернулся, опять курил и безуспешно ломился в сортир, а потом я сморозил глупость, «что станция должна быть чистой», и Валежин не выдержал. Открыл дверь в проход, впуская морозный воздух, рванул ширинку и пустил горячую струю на обледеневшую сцепку между вагонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.